

**A MONG GENIUSES: ARTISTIC AND AESTHETIC ORIGINALITY
OF IVAN KLYUSHNIKOV'S POETRY****Tkachenko Olena**

D.Sc. in Philology, Professor

ORCID ID 0000-0002-6382-6390

Sumy State University

2, Rymkoho-Korsakova St, Sumy, 40007, Ukraine

olenasumdu@gmail.com**Bondarenko Olena**

Phd in Philology

ORCID ID 0000-0002-2369-774X

Sumy State University

2, Rymkoho-Korsakova St, Sumy, 40007, Ukraine

ol.bondarenko@journ.sumdu.edu.ua

The article is dedicated to the work of Ivan Klyushnikov, a representative of the reflective poetry of Russian romanticism of the 30s – 40s of the XIX century, to indicate the ideological and artistic originality of his poems.

In the article, the author traces the main thematic trends of Klyushnikov's lyrics, characteristic of romantic poetry of the first half of the XIX century: philosophical, historical, the theme of love, nature, and the destiny of the poet and poetry.

According to the author, the main distinguishing feature of Klyushnikov's poetry is that he, like no other romantic poet, revealed the psychology of the "superfluous man". Besides, with his fate and his work, he captured the tragedy of young people of that time, striving for good, justice and happiness, but for subjective and objective reasons unable to advance their ideal.

The main genre of Klyushnikov's poetic is an elegy, which tonality fully corresponds to the definition of this genre given by Belinsky. Hopeless longing from unfulfilled dreams, failed love, and incomplete life is its dominant motive. His lyrics is a confession of a person who in his development has passed from romantic illusions to the consciousness of his insecurity and failure in all spheres of life. The image of a lyrical hero embodied the features characteristic of the spiritual image of the poet himself, as well as of the whole generation. This is precisely the pathos of the poet's creativity.

Klyushnikov's poetic legacy is remarkable in reproducing the era and the spiritual world of many thinking people of that time, as well as in presenting deeply personal moods. Thinking about his life, about life in general, about reality – all this, captured in the lyrics, becomes a true and fare reflection of contemporaneity.

Keywords: *reflective romanticism, lyrics, elegy, I. Klyushnikov, lyrical hero, "superfluous man", ideological and artistic originality.*

**СРЕДИ ГЕНИЕВ: ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ИВАНА КЛЮШНИКОВА (1811 – 1895)****Ткаченко Елена**

Доктор филологических наук, профессор

ORCID ID 0000-0002-6382-6390

Сумский государственный университет

Римского-Корсакова, 2, Сумы, 40007, Украина

olenasumdu@gmail.com

© Tkachenko O., Bondarenko O., 2020

Бондаренко Елена

Кандидат филологических наук

ORCID ID 0000-0002-2369-774X

Сумский государственный университет

Римского-Корсакова, 2, Сумы, 40007, Украина

ol.bondarenko@journ.sumdu.edu.ua

Статья посвящена творчеству Ивана Ключникова, представителя рефлектирующей поэзии русского романтизма 30-х–40-х годов XIX века, с целью обозначить идейно-художественное своеобразие его стихотворений.

В исследовании прослеживаются основные тематические направления лирики Ключникова, свойственны романтической поэзии первой половины XIX века.

Главной отличительной чертой поэзии Ключникова, по мнению авторов, является то, что он раскрыл психологию «лишнего человека». И своей судьбой, и своим творчеством запечатлел трагедию молодых современников, стремившихся к справедливости и счастью, но оказавшихся неспособными осуществить свой идеал.

Ключевые слова: рефлектирующий романтизм, лирика, элегия, И. Ключников, лирический герой, «лишний человек», идейно-художественное своеобразие.

Введение

Поэзия Ивана Петровича Ключникова органически связана с духовной жизнью русского общества 30 — 40-х годов. Для людей этой эпохи были характерны раздвоенность, существование в человеке двух Я: одно — живет, действует, а другое — анализирует его поступки, чувства, мысли, как справедливо полагает С. Машинский, «рефлексией была заражена дворянская интеллигенция России 30-х годов» (Поэты, 1964: 52). Это состояние пережил и сам Белинский. Критик время, когда жил и творил Ключников, назвал «веком рефлексии», а Ключникова «поэтом рефлексии» (Белинский, 1982: 269). Его личность – многообразна и неординарна – «принадлежит к примечательным явлениям в истории духовной жизни общества Российской империи» (Tkachenko, Degtyarev, Polyakova, Gut J, 2020: 578).

Материалы и методы исследования

Активная поэтическая деятельность Ключникова, а писал он в основном в жанре элегии, приходится на конец 30-х — начало 40-х годов, когда он печатался в журналах «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», «Современник» под криптонимом - Θ - ¹. Нам известна лишь небольшая часть его поэтического наследия, так как многие стихотворения остались в рукописях и затерялись. До нас дошло 33 стихотворения, несколько эпиграмм и шуток, относящихся к этому периоду, ода-сказка и 8 стихотворений, написанных в последние годы жизни и опубликованных в журнале «Русский вестник». Нам удалось собрать и издать отдельной книгой творческое наследие поэта: стихи, прозу, письма (Ключников).

В декабре 1838 года Ключников писал Станкевичу: «У меня пиес 100...» (Ключников, 1993: 91). В январе 1840 года Кольцов сообщал Белинскому: «Ключников пишет какие-то октавы и написал их пропасть; в них много соли, юмору и остроты; кое-какие он читал нам — очень хороши» (Кольцов, 1961: 116). Именно эти октавы и не сохранились, и мы фактически не имеем представления о юморе Ключникова, которым так восхищались его друзья.

¹ - Θ - — фита, первая буква греческого слова Феос, т. е. Бог.

Стихотворения, которыми мы располагаем, являются неотъемлемой частью русской романтической поэзии 30-40-х годов XIX века, отразившей духовную атмосферу, которая установилась после разгрома декабристского движения.

Обсуждение

В той или иной степени творчества Ключникова касались К. Архангельский, Л. Гинзбург, А. Журавлёва, Ю. Манн, С. Машинский, Б. Смиренский, Л. Фризман и другие. В то же время литературное наследие Ивана Ключникова остается проблемой малоисследованной. Это и определило цель нашей статьи.

Проблема типологии русского романтизма относится к числу вечноволнующих литературоведческих проблем. В разное время предлагались разные типологические схемы и литературного направления, и его жанровой системы. Интересные классификации жанровых моделей элегии предлагают Л. Фризман (Фризман, 1991), М. Гаспаров (Гаспаров, 1997), В. Козлов (Козлов, 2013), Е. Толстогузова (Толстогузова, 2011). Для выяснения наиболее характерных художественно-эстетических особенностей творчества Ключникова как поэта романтического направления мы воспользовались классификацией, предложенной Е. Майминым, которая, на наш взгляд, в какой-то мере имеет обобщающий характер. Ученый выделяет пять видов романтизма в русской литературе первой половины XIX века: 1) созерцательный романтизм Жуковского; 2) гражданский романтизм декабристов; 3) романтизм Пушкина, имеющий синтетический характер; 4) романтизм Лермонтова, развивающий традиции декабристского, пушкинского, философского и бунтарского романтизма байроновского типа; 5) философский романтизм. Как справедливо отмечает Маймин, романтизм — явление настолько сложное, что отнести творчество того или иного писателя к какому-то одному типу невозможно (Маймин, 1975: 23 – 24). Это в полной мере относится и к поэзии Ключникова. В ней отчетливо слышатся мотивы элегий Жуковского, видны традиции философской лирики, кое-где ощущается лермонтовское настроение.

Ключников, по мнению исследователей, был характерным представителем рефлектирующей поэзии русского романтизма. Говоря о его особенностях, Л. Гинзбург пишет: «...самые отвлеченные философские положения проверялись на конкретных жизненных фактах, и наоборот — любой бытовой и психологический факт рассматривался в свете умозрительных категорий. «Фантазии» Станкевича были шеллингианскими, а через несколько лет Ключников сознательно воплощал в стихах учение Гегеля о рефлексии» (Гинзбург, 1964: 153). Этот вывод исследователя отнюдь не означает, что поэзия романтиков шла от умозрительной философии, а не от жизни. В ней выражалось типичное для того времени умонастроение. «Все философские концепции, — по мнению Л. Гинзбург, — вели русских романтиков к проблеме выражения личности. Любомудры пытались построить новый образ поэта, Станкевич и молодой Белинский искали единство мысли и чувства. Ключников сделал «лишнего человека» своим лирическим героем» (Гинзбург, 1964: 153). Поэтому критик высоко ценил творчество Ключникова на определенном этапе, но, когда осудил рефлексию, изменилось его отношение и к поэзии Ключникова.

На формирование миросозерцания Ключникова оказали влияние многие факторы: общественно-политическая обстановка в стране, атмосфера кружка Н. Станкевича, активным деятелем которого он был, романтическая поэзия и, несомненно, немецкая философия. Наряду с философией члены кружка Станкевича проявляли большой интерес к литературе. В условиях крушения декабристских иллюзий многие деятели той поры видели в литературе средство разрешения больших национальных задач в деле преобразования общества.

Некоторые исследователи считают наиболее яркой поэтической фигурой в кружке Ключникова, лирика которого, по их мнению, является наиболее самобытной. В ней отражена индивидуальность автора и его жизненная судьба. О чем бы он ни

писал, что бы ни изображал — всюду ощущается присутствие его личности, он как бы ставит себя в центр созданного им поэтического мира, пристально вглядываясь в себя и окружающую жизнь. По мнению Гинзбург, поэзия мысли русского романтизма 30 — 40-х годов XIX века, сосредоточив свое внимание на романтической личности, разрабатывает два основных ее варианта. С одной стороны, это протестующая, мощная, демоническая личность; а с другой стороны — рефлектирующая. Четкого разграничения между демонической и рефлектирующей поэзией нет. В творчестве Лермонтова эти течения буквально слились воедино. В рефлектирующей поэзии исследователь выделяет две линии: философскую и психологическую (Гинзбург, 1964: 147 – 158). Для поэзии Клюшникова как раз и характерна психологическая. Это заметно выделяет его творчество в среде поэтов кружка Станкевича.

Результаты исследования

В лирике Клюшникова прослеживается целый ряд тем, свойственных романтической поэзии того времени: философская тема, тема любви, тема природы, историческая тема, тема предназначения поэта и некоторые другие. Хотя резкую грань между названными темами провести трудно, мы все-таки остановимся на основных тематических направлениях.

Философская лирика в русской литературе имеет давние традиции. Правда, сам термин — «философская лирика» — трактуется неоднозначно. В разные эпохи разные исследователи вкладывали в него неодинаковый смысл. В 30 — 40 годы в России философской считалась лирика, разрабатывающая сложные философские проблемы: цель и смысл жизни, судьба поколения, личная свобода, жизнь и смерть. Эти проблемы стали доминирующими и в лирике Клюшникова. Своеобразие ее состоит в том, что философская тема сопряжена с глубоким психологизмом. Его стихотворения выросли на почве русской действительности и раскрывают мир глубоких индивидуальных переживаний.

Характерными образцами философской лирики Клюшникова являются «Элегия», «Мой гений», «Ночное раздумье», «Меланхолик», «Ночная молитва», «Старая печаль» и другие стихотворения.

Написанная в 1838 году, «Элегия» («Есть сны ужасные: каким-то наваждением...») — стихотворение глубокого философского и социального содержания. Не случайно С. Машинский называет его программным произведением. В нем с особой силой прозвучали те мотивы, которые станут доминирующими в поэзии Клюшникова: «сознание трагической безысходности современного поколения, тоска по утраченным годам, безволие и доверчивая покорность судьбе» (Поэты, 1964: 51). Современная действительность в элегии уподобляется Клюшниковым «сну ужасному», а окружающие его люди — «чудовищам» с неживыми лицами. Жизнь в этом обществе напоминает «безбрежную пустыню», куда не проникает «луч святыни», то есть свободной, наполненной деятельностью жизни. Элегия распадается на две части: сон и пробуждение. Описание страшного сна сменяется пробуждением, но не меняется сама картина. Тяжело жить, когда «все вокруг подернуто туманом», когда человек угнетен «сомненьем и тоской», но самое страшное то, что

Все прошлое нам кажется обманом,

А будущность — бесцветной пустотой (Клюшников, 1993: 13 – 14).

«Быть или не быть — ужасное мгновенье!..» — восклицает Клюшников, пытаясь понять тайны бытия. Эти слова стали как бы лейтмотивом всего его поэтического творчества.

Мотивы, столь отчетливо выраженные в данной элегии, реализуются Клюшниковым и в других его стихотворениях. Для его лирики характерно то, что одни и те же проблемы из одного стихотворения переходят в другое, тема, затронутая в одном, находит свое продолжение в другом. Тема неустроенности социальной жизни развивается в стихотворении «Претензии».

Подобное настроение с необыкновенной художественной силой будет выражено Лермонтовым в стихотворении «Дума», ставшим «страшным приговором современному поколению» (История, 1969: 258).

Мрачное ощущение душевной пустоты, тревожные мысли о будущем, раздумья о жизни, полной страданий и мук, — вот круг вопросов, которые волнуют поэта. Действительность Ключникову была чужда и неприязненна. И дело здесь не в натуре поэта и желании найти только темные стороны жизни. Истоки его печальных дум в том, что

Запала к счастью дорога,
Исчез блаженства идеал...

(«Мой гений») (Ключников, 1993: 19).

Во многих стихотворениях этого цикла выражено стремление уйти от действительности, желание посмотреть на жизнь, на однообразное ее течение с высоты идеала, желание найти «святу гармонию души». Возвышенный идеал поэта — единый критерий оценки жизни.

Счастье человека, по убеждению Ключникова, а, следовательно, и смысл жизни — в нем самом, в силе его души, в богатстве мыслей и чувств: «Вопрос не в том, чтоб быть счастливым, но чтоб достойным счастья быть...», — заявляет поэт (Ключников, 1993: 36).

Он верит, что прекрасное и возвышенное победит в человеке, и связывает это с Богом и «вторым миром». Очень интересно в этом плане стихотворение «Жизнь», которое является откликом на известное стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...». В стихотворении Пушкина, написанном в минуты духовного кризиса, трагизмом отмечены философские раздумья о цели существования, о жизни и смерти. У Ключникова же стихотворение насквозь пропитано оптимизмом, оно обращено к Богу.

Многие пушкиноведы полагают, что пессимистические настроения, выраженные в стихотворении Пушкина, не характерны для поэта. В такой же мере, на наш взгляд, оптимистическая тональность стихотворения Ключникова является не характерной для его творчества. Это стихотворение, написанное на вечную тему, очевидно, отразило начавшуюся эволюцию мировоззрения Ключникова.

Появление стихотворения Пушкина объясняется обстоятельствами личной жизни поэта, а настроение, выраженное в нем, временным и чуть ли не случайным для его жизнерадостной природы состоянием. Однако, если отвлечься от конкретного жизненного контекста, то следует признать, что в нем выражен общечеловеческий мотив, что подобное разочарование в жизни, в своем человеческом предназначении переживают многие люди. Очевидно, в этом состоит, прежде всего, непреходящее значение этого поэтического создания.

Ключников ведет спор с Пушкиным с позиций христианской веры, считающей жизнь великим благом, дарованным Богом. Для Пушкина жизнь — дар напрасный, дар случайный, а для Ключникова — дар мгновенный, дар прекрасный. Жизнь дана человеку для жизни, нужно в Боге жить и «познавать его в твореньи» — таков его идеал. Несколько лет тому назад мы оценили бы позицию поэта как консервативную и даже реакционную. В свете современных представлений о роли религии в жизни общества следует не только считать правомерным идеал, утверждаемый Ключниковым, но и признать его общечеловеческую значимость. Если учесть при этом яркость и звучность поэтического слова, то можно сказать, что полемику с Пушкиным поэт ведет на равных.

Заметим попутно, что данный спор с Пушкиным — не единичный факт в творчестве Ключникова. Переключка со своим великим современником, а иногда и прямое подражание, встречается во многих его стихотворениях.

«Жизнь» — это первое стихотворение Ключникова, в котором отчетливо обозначился идеал поэта, приобретший откровенно религиозный характер. Но

религиозность поэта имеет широкий, совсем не догматический характер, а скорее философский. Она выражается в вере в разум человека, в гармонию мира и его творца — Бога. Вряд ли можно полностью согласиться с мнением С. Машинского о том, что поэзии Ключниково характерно «отсутствие ясного жизненного идеала» (Поэты, 1964: 51). Поэт мечтал о счастье, о совершенстве, о жизненной гармонии в духе романтиков кружка Н. В. Станкевича. Позже поэт замкнулся в себе и ушел в религию, его идеал приобрел чисто христианский характер.

Разрабатывая поэзию мысли, Ключников выступает продолжателем традиций Жуковского. Его поэзия, как и поэзия Жуковского, сосредоточена на внутреннем мире личности, которая настоящее, прошлое и будущее воспринимает через призму свойственного только ей сознания. У Ключникова содержанием элегии, одного из ведущих жанров поэзии мысли, как и у Жуковского, стала печаль как доминирующий признак отношения к действительности. Печаль — не какое-то случайное явление, нарушающее общий ход жизни, а чувство, вполне отражающее ее смысл. В свое время Белинский следующим образом характеризовал романтизм Жуковского: «Это — желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченному счастью, которое Бог знает, в чем состояло...» (Белинский, 1981: 145). Эта характеристика вполне применима не только к «Элегии» Ключникова, но и ко всему его поэтическому творчеству.

Ключников — поэт, а не философ, и его путь искания истины, смысла жизни, назначения человека, его отношение к действительности, обществу, поиски ответа на «вечные» вопросы — это совсем другой путь, чем путь философского познания мира. Говорить о какой-либо философской системе Ключникова трудно: он не пытается объяснить мир, установить закономерности развития общества, у него нет ни готовых ответов, ни решений, ему самому очень многое непонятно.

Наиболее полного выражения поэтический дар Ключникова, пожалуй, достиг в любовной лирике, которая представлена многими оригинальными стихотворениями: «Я не люблю тебя: мне суждено судьбою...», «Ей», «Знаете ль ее? — Она...», «На смерть девушки», «Когда, горя преступным жаром...», «Красавице», «Воспоминание» и другими. Они очень высоко ценились современниками, особенно «Я не люблю тебя: мне суждено судьбою...». Это стихотворение Белинский поставил в один ряд с лучшими образцами любовной лирики Лермонтова. В статье «Стихотворения М. Лермонтова», анализируя стихотворение «И скучно, и грустно, и некому руку подать...», он пишет: «Мы знаем одну пьесу, которой содержание высказывает тайный недуг нашего времени, и которая за несколько лет пред сим казалась бы даже бессмысленною, а теперь для многих слишком многозначительная».

Критик полагал, что в этом стихотворении отражен характер людей его времени, новое понимание любви, чрезмерно ответственное отношение к ней. Прежде, говорит он, возможно, люди не придавали любовному чувству большой важности: пока любилось — любили, разлюбилось — не тужили. Увидев, что ошиблись в своем чувстве, не приходили в отчаяние и «из сферы гордых идеалов... переходили в мирное и почтенное состояние пошлой жизни». Каждая эпоха, утверждает он, имеет свой характер: «...люди нашего времени слишком много требуют от жизни, слишком необузданно предаются обаяниям фантазии, так что после их роскошных мечтаний действительность кажется им уж слишком бесцветною, бедною, холодною и пустою» (Белинский, 1978: 259). Наиболее точно смысл стихотворения Ключникова, на наш взгляд, раскрывается в следующих словах критика: «...они слишком совестливы и честны в отношении к участи других людей, и, обещав другому существу любовь и блаженство, думают, что непременно должны дать ему то и другое, а, не видя возможности исполнить это, предаются тоске и отчаянию...» (Белинский, 1978: 260). Именно это сложное состояние человека передает Ключников. Поэт настойчиво повторяет слова «я не люблю тебя», а, между тем, в них ощущается упоение любовью и горечь разлуки. Причина его тоски не в отсутствии взаимности в любви — об этом и

намека нет, — а в том, что поэт «обманул природу» и не может безраздельно предаться чувству. Заканчивается стихотворение утверждением, что он не любит и в то же время плачет и тоскует, раскрывая сложность и противоречивость своей натуры.

Белинский прав, говоря о том, что каждая эпоха имеет свой характер, что люди его поколения романтизировали любовь и усложняли свои отношения. Ключников удивительно правдиво передал внутренний мир души человека, в котором шла борьба полноты чувства с разрушающей силой рефлексии. Об этом свидетельствуют письма и воспоминания многих людей того времени. Так, писатель Константин Леонтьев в 1888 году вспоминал: «Оно (стихотворение — Е. Т.) было тогда мне ближе всей остальной поэзии, ближе Пушкина, Фета, Лермонтова, Кольцова, ближе всего на свете» (Леонтьев, 1988: 100).

В понимании поэта, если любить, то всей полнотой души, самозабвенно и жертвенно, на всю жизнь, находя горячий отклик в родном сердце, искреннем, преданном и верном. Такой уж он человек. Малым, незначительным довольствоваться не хотел, просто не мог. Но господствующая в жизни дисгармония нарушает красоту любви, делает ее трагичной, приносящей лишь муки и страдания.

Разрабатывая тему любви, Ключников с удивительной точностью и мастерством в стихотворении «Воспоминание» сумел передать душевное состояние человека, который впервые полюбил. В потоке нахлынувших воспоминаний, мыслей, дум и чувств поэт отыскивает то значительное и существенное, что особенно запомнилось, стало дорогим. И перед нами волнующий образ любимой женщины.

Это стихотворение по силе выраженного чувства, искренности и теплоте перекликается со стихотворениями Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» и «Я вас любил...». У Ключникова повторяются даже некоторые пушкинские слова и выражения: «Я вас любил...», «гений», «дар» и другие. Можно даже говорить о близости мелодии стихов, однако совершенно по-разному у поэтов трактуется любовь. У Пушкина любовь — чувство священное, радостное и гармоничное, составляющее высшее блаженство. Даже расставаясь с возлюбленной, поэт не теряет душевного равновесия. Для Ключникова любовь — мука, страдание, несчастье. Пассивность и рефлексия доминируют в его отношениях с любимой женщиной. У него нет даже намека на то, чтобы проявить активность и реализовать свое чувство, в решающую минуту он сознается: «Я не могу, как ты, любить». Идеал любимой женщины в его стихах — типично романтический. Характерно в этом отношении стихотворение «Знаете ль ее?.. Она...», где любимая женщина предстает олицетворением абстрактной красоты и совершенства. Подобные представления выражены и в стихотворении «Красавице».

Любовная лирика Ключникова отличается особым лиризмом, глубокой искренностью и нередко изумительным по жизненности воспроизведением интимных человеческих чувств. Поэт понимает и ценит красоту женщины.

Как и все поэтическое творчество, любовная лирика Ключникова пронизана скорбью и печалью. В его стихах любовь — не радость и счастье, а мука, терзание и страдание. Грусть, разлука, безнадежность сопровождают буквально все стихи этого цикла. Они чаруют всеми красками искренних человеческих чувств — сладостных и блаженных, безумных, взаимных и отвергнутых, но всегда безгранично искренних, чистых и нежных. В этих стихах отчетливо проходит мысль о том, что любовь, даже безответная, неразделенная — огромный дар, облагораживающий человека, духовно и морально обогащающий, а любимая — друг, способный понять и разделить душевные муки и терзания, поддержать в нужную минуту. Любовная лирика Ключникова, оставаясь сугубо личностной, приобретает большой обобщающий смысл.

Мастерство и оригинальность Ключникова сказались и в пейзажной лирике, лучшими образцами которой можно считать стихотворения: «Половодье», «Весна», «Жаворонок», «Детский урок» и другие. Ключников любил природу, чувствовал ее красоту и радовался самому обычному ее проявлению. Для него природа — повод выразить свои расстроенные чувства, еще и еще раз излить тоску и печаль. Слияние

природы с душевным миром поэта — одна из характерных черт пейзажной лирики Ключников.

Особо следует отметить стихотворения, написанные в последние годы жизни. Они отличаются и по тональности, и по зрелости поэтического письма. Наиболее значительной из них является ода (сказка) «Новый год поэта», состоящая из трех частей: «Утро. В кабинете», «Полдень. В редакции журнала», «Вечер. У себя». Примечательна она прежде всего тем, что в ней впервые зазвучали политические мотивы. Первую часть С. Машинский назвал политической сатирой (Поэты, 1964: 604). Действительно, она представляет собой острую сатиру на современную поэту Европу. В канун 1878 года он как бы обзрывает карту Европы и дает критическую оценку политике европейских стран. С сарказмом говорит поэт о «творцах истории» Бисмарке, Круппе, графе Андраши, Биконсфильде, Карлейле, Брайте, Гладстоне, Дизраэли и других. Он клеймит милитаризм кайзеровской Германии. Осуждает Австрию — «поклонницу пушек и штыков», Англию — за колониальную политику («На сердце Бог, а в голове угар: Всему причиной Гибралтар»), Францию за лицемерную демократию («С обетом мира на устах, с кастетом, с палицей в руках»).

Ключников противопоставляет им Россию, которая помогала народам обрести свободу, и славит русского царя. Он имеет в виду русско-турецкую войну, освобождение Болгарии.

В этом стихотворении выражены патриотические чувства поэта, не видевшего в политике русского самодержавия тех же империалистических устремлений, которые были характерны для других стран.

В оде (сказке) Ключников обращается к теме поэта и поэзии, характерной для поэтов-романтиков. Уже в первой части, о которой шла речь, он призывает поэтов конкретными делами служить народу, «не мечтать, а терпеливо и честно дело жизни совершать». Эта тема развивается во второй части «Полдень. В редакции журнала». Стихотворение написано в форме диалога между писателем и журналистом. Речь идет о писательском труде, о том, что никакой гонимый не может быть адекватным творчеству.

Третья часть «Вечер. У себя» представляет собой исповедь поэта. Тяжелые невзгоды, болезнь, сложные колебания, выпавшие на его долю, привели к отчаянию, безысходности. Сквозь сгущающуюся душевную сумрачность уже совсем не пробивается луч надежды.

Он с горечью вынужден был признать свое бессилие перед действительностью. Да, это самая страшная трагедия — сознание пустоты, никчемности, бесполезности прожитой жизни. Подытоживая свой жизненный путь, поэт в стихотворении «В родном домике» с горечью заявляет:

Я пережил все помыслы земные

И нищий духом Богу предстаю (Ключников, 1993: 39).

В стихотворениях этих лет отразились и нравственно-религиозные искания, и трагическое мироощущение поэта, утратившего живые связи с эпохой, современниками, русской литературой, активным деятелем которой он когда-то был. То новое в его поэзии, что в свое время отражало определенные настроения передовой интеллигенции, было уже подхвачено и развито в творчестве последующих писателей, а сам поэт как бы остановился в своем движении. Мотивы одиночества, тоски, печали переходят порой в отчаяние.

Если в стихотворениях 30 — 40-х годов еще звучит надежда, оптимизм, то в стихах этого периода поэт не видит никакого выхода и ничего уже не ждет от жизни.

Эти стихотворения насквозь пропитаны трагизмом, который усугубляется разладом с самим собой, со своими мечтами и утраченными иллюзиями. Конфликт обусловлен внешними обстоятельствами и душевным состоянием поэта, как в стихотворении «Нет мочи жить! Слепой судьбы угрозы...». В этом стихотворении-исповеди, написанном с предельной искренностью, нашли отражение самые сокровенные думы поэта, его печаль и боль.

Своего рода поэтическим завещанием Ключникова явилось стихотворение «Мечты и идеалы поэта будущности», посвященное памяти Пушкина и чем-то напоминающее стихотворение «Памятник» великого поэта. В нем поэт оценивает свое творчество, говорит об ошибках и заблуждениях юности. Он считает, что его творчество не умрет, что «дух любви, дух вечный, беспредельный, найдет приют в родных себе душах». Взволнованные строки, обращенные к молодому поколению, исполнены глубокого смысла и не утратили своего значения в наши дни. Несмотря на искренность выраженного чувства, скромность в оценке своего творчества, а так же на разумные пожелания умудренного жизнью поэта, его «Завещание» выглядит сырым и многословным, лишенным той концентрации мысли и весомости поэтического слова, которые присущи «Памятнику» Пушкина. В нем развиваются мысли и мотивы пушкинского стихотворения, однако поэтическая мотивировка их не имеет большого обобщающего смысла.

Очень сильно разнятся стихотворения и по тональности. И дело не только в том, что стихотворение Пушкина написано шестистопным ямбом, а «Мечты и идеалы поэта будущности» Ключникова — пятистопным. Сам жанр поэтического завещания требует высокого торжественного стиля, так как поэт как бы обращается к потомкам и говорит о значении своей поэзии. Вот почему ему противопоказана сниженная разговорная лексика. У Ключникова же высокопарные слова и обороты сочетаются с просторечием. С одной стороны — «прекрасная могила», «чудесная сила», «гениев бессмертные творенья», «песен дар», «слезы умиленья», «тайны жизни» и т. п. и с другой — «не лезть на верх», «зубов не скаля», «скотские забавы» и т. п.

Лирический герой поэзии Ключникова — человек неординарный, легко ранимый, остро чувствующий неустроенность общественной жизни. Его уделом стал трагический разлад между мечтой и действительностью: «сердцу больно» оттого, что жизнь уходит на постоянную борьбу «сердца и разума», не принося радости, а лишь усугубляя страдания.

Растерянность, страх перед будущим заставляют поэта уходить в «мир фантазии», обращаться к небу, смириться и верить в счастье на том свете.

Но в некоторых его стихотворениях звучат и оптимистические ноты. Интересны в этом плане стихотворения «Ночное раздумье» и «Жизнь», где мотивы страдания и сомнения сменяются утверждением жизненного идеала в духе христианской веры.

Лирический герой Ключникова — романтик, живущий в мире высоких помыслов и прекрасных идеалов, неспособный объективно оценивать действительность.

Внутренняя раздвоенность в душе героя между возвышенными запросами и сознанием несовершенства осложняет противоречие между героем и реальной действительностью. Желание избавиться в самом себе от низких, эгоистических потребностей приводит к самоанализу, когда каждый поступок, каждая мысль подвергаются контролю, а это сковывает волю, обрекает человека на бездеятельность и страдания. Чувство обреченности, скорбь и горечь выливаются у него порой в проклятье.

Пожалуй, как никто другой из поэтов того времени, Ключников раскрыл психологию «лишнего человека», показал трагедию молодых людей 30-х годов, стремившихся к добру, справедливости и счастью, но по субъективным и объективным причинам оказавшихся неспособными практически осуществить свой идеал. Его лирика — это исповедь человека, прошедшего в своем развитии путь от романтических иллюзий до сознания своей незащищенности и несостоятельности во всех сферах жизни. Именно в этом состоит, на наш взгляд, пафос творчества поэта. Безысходная тоска от несбывшихся мечтаний, от несостоявшейся любви, от несложившейся жизни — доминирующий мотив его поэзии. Слово «тоска» встречается почти в каждом стихотворении. Нас подкупает в лирике Ключникова искренность, честность и безжалостная самокритика. В большинстве стихов, как мы видим, он жалуется на свою судьбу, однако иногда поднимается до осуждения себя и

своего поколения неудачников. Так, например, исполнено иронии стихотворение «Претензии» (1840), в котором явно слышатся лермонтовские ноты. Не исключена возможность, что это стихотворение написано под влиянием «Думы» Лермонтова, опубликованной годом раньше в «Отечественных записках» (1839, № 2). Как известно, «Дума», подобно стихотворению «Смерть поэта», явилась событием в поэзии тех лет и оказалась в центре внимания читателей и критиков. Говоря о сходстве выраженных в стихотворениях чувств, нельзя не отметить, что Ключников не поднимается до политической сатиры. Его стих не «облитый горечью и злостью», как «Дума» Лермонтова, в которой поэт продолжает традиции политической поэзии декабристов. Ключников как бы констатирует факт: «У всякого свое страданье, у всякого в душе разлад» (Поэты, 1964: 28). Лермонтов же, гневно осуждая современников, предупреждает их об ответственности перед будущим, взывает к их совести и чести:

Толпой угрюмою и скоро позабытой

Над миром мы пройдем без шума и следа (Лермонтов, 1986: 57).

В образе лирического героя воплотились черты духовного облика самого Ключникова — человека высокой духовности и напряженной внутренней жизни, отличавшегося вечным «вниканием» в самого себя.

Вместе с тем еще раз подчеркнем: настроение тоски и обреченности, доминирующее в лирике Ключникова, характерно для него не только как личности. Оно было типичным для целого поколения людей того времени. В этом смысле очень важным является свидетельство Станкевича, который в письме М. Бакунину писал: «Жаль, что небольшое общество наше, несмотря на все свои благие намерения, страдает одним неисцелимым недугом — тоскою и недоверчивостью к жизни, не то — мы бы сделали больше» (Переписка, 1914: 586).

Основной жанр поэтического творчества Ключникова — элегия. В письме Белинскому он как-то заметил: «...я не пишу ничего, кроме писем и элегий». Тональность его элегий вполне соответствует определению этого жанра, данного Белинским: «Элегия — собственно, песня грустного содержания» (Белинский, 1978: 336). Вместе с тем этот жанр у Ключникова утратил классические приметы и выглядит более свободным, характерным для массовой романтической поэзии 30—40-х годов XIX века. Как и в поэзии Красова, в элегической лирике Ключникова мы видим сочетание двух тенденций: с одной стороны, влияние традиций Батюшкова и Жуковского, а с другой — разрушение этих традиций. Лирический герой становится более конкретным, отражающим психологию человека времени.

В этом плане показательным первое печатное дошедшее до нас стихотворение «Элегия» («Опять оно, опять былое!...»), где наряду с традиционными, свойственными элегии эпическими образами встречаются слишком простые, явно сниженные.

Исследователь истории русской элегии Л. Г. Фризман выделяет лермонтовский этап в развитии этого жанра, следующим образом характеризую его особенности: «Но уже в эти годы вместо абстрактного элегического «я» в лермонтовской элегии появляется герой, наделенный индивидуальными чертами, которые объясняются особенностями его жизненного пути. В центре внимания поэта не чувство или переживание вообще, а психологический облик человека» (Фризман, 1991: 37]. Нам представляется, что подобные изменения в жанровом своеобразии элегии наметились уже в творчестве Ключникова. Его элегии не только передают переживания поэта, но раскрывают его психологический облик, воспроизводят конкретные черты его биографии. Вместе с тем нельзя не отметить, что лирический герой Лермонтова в своих переживаниях сориентирован на социальные обстоятельства, в которых видит основную причину своей трагедии. Лирический герой Ключникова замкнут в узкий круг личной жизни: жалуясь на обстоятельства, он считает себя виновником всех бед.

Выводы и перспективы

Для поэзии Ключников очень важно не описание какого-либо события, а внутреннее состояние человека. Усиление личностного момента способствует лирическому, а не эпическому началу в его поэзии. Его стихотворения примечательны как воспроизведением эпохи и духовного мира многих мыслящих людей того времени, так и глубоко личными настроениями. Раздумья о своей жизни, о жизни вообще, о действительности — все это, запечатленное в поэзии, становится подлинным и верным отражением современности. Лирика Ключникова индивидуальна, почти автобиографична: ее язык прост и понятен. Ключников, подобно любому романтику, жил в иллюзорном мире, поэтому в его поэзии биография выглядит романтизированной, не всегда совпадающей с реальной, известной по документальным материалам. Вместе с тем, по его стихам можно составить представление о его жизни, увлечениях и интересах. В них он предстает поэтом ярко выраженной индивидуальности, глубокой внутренней сосредоточенности, деятельной мысли. Редко у кого из поэтов можно встретить такое единство между поэтом и его лирическим образом.

Ключников был сыном своего времени. Его романтическая поэзия запечатлела те чувства и мысли, которые в большей или меньшей степени пережил каждый мыслящий человек 30 — 40-х годов XIX века. Но поэт не просто отразил один из характернейших моментов духовного развития русского общества, он как бы пропустил через себя все те страдания, которые выпали на долю его современников, и до последних дней своей жизни так и не освободился от чувства вины перед ними, о чем свидетельствуют стихотворения последних лет.

Поэзия Ключникова глубоко человечна, гуманистична. Ей свойственны на редкость непосредственное восприятие мира, трогательно-доверительная, задушевно-печальная тональность. Она покорила естественностью и музыкальностью. Характерной особенностью творчества поэта является гуманность в широком смысле слова, наполненная религиозным морально-этическим содержанием. Чувство гуманности у него имеет грустный характер, а порой и трагический. Это обусловлено пассивностью автора, отказом от борьбы, призывом к покорности, а также чувством глубокого неудовлетворения, которое прошло через всю жизнь и оставило неизгладимый след в его творчестве. Но грустный, а порой и трагический характер его поэзии диктовался не только личными переживаниями. Легко ранимый и остро чувствующий поэт, для которого, по его собственному признанию, главное «чтить как святыню званье человека» не мог не видеть несоответствия между созданным им идеалом и окружающей действительностью. Это несоответствие приносило ему страдания, но он не находил в себе силы для борьбы, а уходил от действительности в мир собственных переживаний. Под покорностью и смирением отшельника скрывалось у Ключникова глубокое неприятие действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский, 1978 — *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 294–353.
- Белинский, 1978 — *Белинский В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 216–278.
- Белинский, 1981 — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 6. Статьи, рецензии, заметки. 678 с.
- Белинский, 1982 — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. Письма 1829–1848. 864 с.
- Гаспаров, 1997 — *Гаспаров М. Л.* Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2. О стихах. С. 362–382.
- Герцен, 1956 — *Герцен А. И.* Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук

- СССР, 1956. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. С. 133–259.
- Гинзбург, 1964 – *Гинзбург А. Я.* О лирике. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 384 с.
- История, 1969 – История русской поэзии: в 2 т. Л.: Изд-во «Наука», 1969. Т. 2. 460 с.
- Клюшников, 1993 – *Клюшников И. П.* Сердце просится любить...: поэзия, проза, письма / Вступ. ст., подготовка и примеч. Е. Г. Ткаченко. Сумы, 1993. 114 с.
- Козлов, 2013 – *Козлов В. И.* Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.01.10 «Русская литература». Москва, 2013. 48 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-elegiya-nekanonicheskogo-perioda-tipologiya-istoriya-poetika/read> (дата обращения 8.04.2020 г.).
- Кольцов, 1961 – *Кольцов А. В.* Сочинения в 2 томах. М.: Советская Россия, 1961. Т. 2. Письма. 335 с.
- Леонтьев, 1988 – *Леонтьев К. Н.* Тургенев в Москве // Русский вестник. 1888. № 2.
- Лермонтов, 1986 – *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1986. Т. 1. 382 с.
- Маймин, 1975 – *Маймин Е. А.* О русском романтизме. М.: Просвещение, 1975. 240 с.
- Переписка, 1914 – Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840. М.: Изд. и ред. Алексея Станкевича, 1914. 787 с.
- Поэты, 1964 – Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. ст. С. И. Машинского. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 616 с.
- Пушкин, 1957 – *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. Стихотворения 1827–1836. 558 с.
- Толстогузова, 2011 – *Толстогузова Е. В.* Байроническая модификация элегии в русской поэзии первой половины XIX века [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.10 «Русская литература». Владивосток, 2011. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/baironicheskaya-modifikatsiya-elegii-v-russkoi-poezii-pervoi-poloviny-xix-veka> (дата обращения: 8.04.2020 г.).
- Фризман, 1991 – *Фризман Л. Г.* Два века русской элегии // Русская элегия XVIII – начала XX века. Л.: Советский писатель, 1991. С. 138–142.
- Tkachenko, Degtyarev, Polyakova, Gut, 2020 – *Tkachenko O. G., Degtyarev S. I., Polyakova L. G., Gut J.* Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 571–582.

REFERENCES

- Belinsky, 1978 – *Belinsky V.G.* Razdeleniye poezii na rody i vidy [The division of poetry into sorts and kinds]// *Belinsky V.G. Sobr. soch.:* v 9 t. [Coll. works: in 9 vol.]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1978. Vol. 3. pp. 294–353 [in Russian]
- Belinsky, 1978 – *Belinsky V.G.* Stikhotvoreniya M. Lermontova [M. Lermontov's poems]// *Belinsky V.G. Sobr. soch.:* v 9 t. [Coll. works: in 9 vol.]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1978. Vol. 3. pp. 216–278 [in Russian]
- Belinsky, 1981 – *Belinsky V.G.* Sobr. soch.: v 9 t. [Coll. works: in 9 vol.]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. Vol. 6. Staty, retsenzii, zametki [Articles, reviews, notes]. 678 p. [in Russian]
- Belinsky, 1982 – *Belinsky V.G.* Sobr. soch.: v 9 t. [Coll. works: in 9 vol.]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. Vol. 9. Pisma 1829–1848. 864 p. [in Russian]
- Frizman, 1991 – *Frizman L.G.* Dva veka russkoy elegii // *Russkaya elegiya XVIII – nachala XX veka* [Two centuries of the Russian elegy//The Russian elegy of XVIII – early XX centuries]. L.: sovetsky pisatel, 1991. pp. 138–142 [in Russian]

- Gasparov, 1997 – *Gasparov M.L.* Tri tipa russkoy romanticheskoy elegii [Two types of the Russian romantic elegy] // *Gasparov M.L. Izbranniye trudy: v 3 t.* [Selected works: in 3 vol.]. M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. Vol. 2. O stikhakh [About poems]. pp. 362–382 [in Russian]
- Gertsen, 1956 – *Gertsen A. I.* Literatura i obshchestvennoye mneniye posle 14 dekabrya 1825 goda [The literature and public opinion after December 14, 1825] // *Gertsen A. I. Sobr. soch.: v 30 t.* [Coll. works: in 30 vol.]. M.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1956. Vol. 7. O razvitiy revolyutsyonnykh idey v Rossii. Proizvedeniya 1851–1852 godov [About the development of revolutionary ideas in Russia. Works of 1851–1852]. pp. 133–259 [in Russian]
- Ginsburg, 1964 – *Ginsburg A. Ya.* O lirike [About lyrics]. M.; L.: Sovetsky pisatel, 1964. 384 p. [in Russian]
- Istoriya, 1969 – Istoriya russkoy poezii: v 2 t. [The history of Russian poetry: in 2 vol.]. L.: Publ. house «Nauka», 1969. Vol. 2. 460 p. [in Russian]
- Klyushnikov, 1993 – *Klyushnikov I.P.* Serdtse prositsya lyubit...: poeziya, proza, pisma [The heart's longing for love...: poetry, prose, letters]/ E. G. Tkachenko's introd. art., preparation and remarks. Sumy, 1993. 114 p. [in Russian]
- Koltsov, 1961 – *Koltsov A.V.* Sochineniya v 2 tomakh. [Works in 2 volumes]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1961. Vol. 2. Pisma [Letters]. 335 p. [in Russian]
- Kozlov, 2013 – *Kozlov V.I.* Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika [The Russian elegy of an apocryphal period: typology, history, poetics]. [Electronic resource]: Abstract of the PhD diss. (philol. sci.): spec. 10.01.10 «Russian literature». Moscow, 2013. 48 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-elegiya-nekanonicheskogo-perioda-tipologiya-istoriya-poetika/read> (date of reference: 8.04.2020) [in Russian]
- Leontyev, 1988 – *Leontyev K. N.* Turgenev v Moskve [Turgenev in Moscow]// Russky vestnik [The Russian herald]. 1888. № 2 [in Russian]
- Lermontov, 1986 – *Lermontov M. Yu.* Sobraniya sochineniy: v 4 t. [Collected works: in 4 vol.]. M.: Pravda, 1986. Vol. 1. 382 p. [in Russian]
- Maymin, 1975 – *Maymin E. A.* O russkom romantizme [About Russian romanticism]. M.: Prosveshcheniye, 1975. 240 p. [in Russian]
- Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha, 1830–1840 [Nikolay Vladimirovich Stankevich's correspondence, 1830–1840]. M.: Aleksey Stankevich's publ. and edit., 1914. 787 p. [in Russian]
- Poety, 1964 – Poety kruzhka N. V. Stankevicha [Poets of N. V. Stankevich's circle]/ S.I. Mashynsky's introd. art. M.; L.: Sovetsky pisatel, 1964. 616 p.
- Pushkin, 1957 - *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: v 10 t. [Compl. works: in 10 vol.]. M.: Publ. house of USSR AS, 1957. Vol. 3. Stikhotvoreniya 1827–1836 [Poems of 1827–1836]. 558 p. [in Russian]
- Tkachenko, Degtyarev, Polyakova, Gut, 2020 – *Tkachenko O. G., Degtyarev S. I., Polyakova L. G., Gut J.* Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest // *Bylye Gody* [Bygone years]. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 571-582 [in Russian]
- Tolstoguzova, 2011 – *Tolstoguzova E.V.* Bayronicheskaya modifikatsiya elegii v russkoy poezii pervoy poloviny XIX veka [Bayronic modification of the elegy in the Russian poetry of the first part of XIX century]. [Electronic resource]: Abstract of the D.Sc. diss. (philol. sci.): spec. 10.01.10 «Russian literature» Vladivostok, 2011. 23 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/bayronicheskaya-modifikatsiya-elegii-v-russkoi-poezii-pervoi-poloviny-xix-veka> (date of reference: 8.04. 2020) [in Russian]

Received: 12 June, 2020